

Литературный конкурс журнала «Север»
СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Любовь НОВГОРОДЦЕВА

*с. Евгацино,
 Омская область*

ПИТОМЦЫ

рассказ

В маленькой кухне с красными шкафчиками и «Биг-Беном» на фотообоях, похожим на остро заточенный карандаш, преподаватель педагогического колледжа Егор Орехин корректировал рабочую программу. Из-под бра в форме бутона на квадратный стол с ноутбуком и ворохом бумаг уютно лился желтоватый свет. Егор шутил, что по вечерам кухня превращается в его кабинет, другого подходящего места, чтобы уединиться для работы, в их однушке не было.

– Долго ещё? – заглянула в «кабинет» жена. Егор промычал: *недолго.*

Лана прошаркала теплыми тапками – отопление после лета еще не дали – к шкафчикам, налила в кружку кипятка, утопила в нем чайный пакетик. Затем села за стол напротив мужа.

Егор догадался: у неё назрел какой-то важный вопрос. Заодно потеряв переносицу, он поправил очки, улыбкой извинился за свою вечную занятость.

– Ты хоть помнишь, что у Дениса скоро день рождения? – в голосе жены – укор.

– Конечно, – Егор кивнул.

Действительно, через неделю их сыну исполнялось пять лет.

– Что будем дарить? – тонкие пальцы с голубыми ногтями выжидающе постучали по столу.

Преыдушие четыре раза этот вопрос заставлял Егора врасплох, а теперь он был готов.

– Динька котёнка просит. Давай котёнка и подарим.

Лана от раздражения передёрнула плечами.
— Я же серьёзно спрашиваю! — возмутилась она.

— Так и я серьёзно! — ответил муж.

В последнее время Егор стал замечать, что между ним и женой пропало взаимопонимание. Винил в этом десятилетнюю разницу в возрасте, которая прежде не мешала, но теперь всё-таки давала о себе знать. За шесть лет брака Лана как будто повзрослела, стала независимой, мнение мужа больше не было для неё таким весомым, как раньше. Беспокоило Орехина и другое: жена с каждым годом всё расцветала, а он уже потихоньку старел — появились залысины, прежде подтянутую фигуру испортил небольшой животик...

— Ты не понимаешь, что такое котёнок в доме! — говорила жена. — Он будет гадить, блевать, драть обои и мебель! А ещё линять и делать затяжки на одежде!

О неудобствах, которые могут возникнуть, если завести питомца, Егор не подумал, но сдаваться не собирался:

— У многих есть кошки. Значит, не так всё страшно.

— Меня не волнуют многие! — рассерженно зашипела Лана. — Если многим нравится жить в кошачьей вонючке и волосине — пусть живут!

— Ну что ты говоришь? — поморщился Егор.
— Купим ему домик, когтеточку, приучим к лотку...

Лана порывисто встала. Схватив со стола кружку, сделала несколько больших глотков, остатки чая выплеснула в мойку.

Егор уткнулся взглядом в ноутбук, ища глазами ту строку в таблице, на которой остановился. Не нашёл. Снова посмотрел на жену.

— Между прочим, для полноценного развития ребёнка очень важно иметь домашнее животное...

Лана с ледяным молчанием демонстративно вышла из кухни.

Утро следующего дня началось как обычно: Денис капризничал, Лана психовала, собирая его в сад.

Орехин торопливо сжевал бутерброд, запиная его кофе. Крикнул из прихожей, что ухо-

дит. На лестничной клетке встретил соседа-пенсионера с палевым лабрадором, поздоровался с обоими. Прохладный собачий нос дружелюбно ткнулся в руку Орехина.

«Может, собаку Диньке подарить? Шпица, например», — мелькнула у него мысль.

В маршрутке к Егору подседа женщина. На коленях она держала пластмассовую переноску, из-за решетчатой дверцы которой круглыми перепуганными глазами смотрел на людей толстомордый кот.

«...Их ещё и по клиникам возить надо, — прозвучал в голове Орехина недовольный голос жены. — Кастрировать и всё такое...»

На работу Орехин едва не опоздал: пробка в центре рассасывалась чересчур долго. Звонок на первую пару застал его на вахте.

— От двести пятой ключ уже забрали, — развела руками пожилая вахтёрша.

Открыв дверь в аудиторию, Егор увидел стайку студенток-первокурсниц, окруживших ближний к выходу стол. Появление преподавателя вспугнуло их, они разлетелись по своим местам, оставив на парте сумку для переноски животных. По зелёному боку её тянулась весёлая бордовая надпись «Мой питомец», подчеркнутая цепочкой кошачьих следов.

У сидевшей за той партой девушки смущенно розовели щёки.

— Что это? — строго спросил Егор. — Зачем вы принесли это на занятия?

Девушка убрала переноску под стол и сообщила:

— Это не я. Мне подарили... У меня сегодня день рождения.

— Поздравляю, — буркнул Орехин.

Пока он доставал из портфеля бумаги и искал нужный конспект, именинница несколько раз успела заглянуть под стол.

— Да отнесите вы её в гардероб! — не выдержал Егор, раздражаясь от ёрзанья студентки.

Та кинула исподлобья упрямый взгляд, словно приготовилась защищать от преподавателя свой подарок:

— Не могу. Там же питомец!

— Как — питомец? Зачем?! — оторопел Егор.
— Это же надо додуматься — принести на пары животное!

— Да нет там никого! — фыркнула некрасивая девушка Соня, тоже сидевшая за первой партой, только у окна.

У Сони была чересчур тонкая шея, и её голова с короткой стрижкой напоминала Орехину шарик на палочке. Наверное, поэтому он с первого занятия запомнил её имя.

— Если он воображаемый, это не значит, что его там нет! — накинулись на Соню одноклассники. — Для владельца питомец есть!

— Мозги у вас, видно, тоже воображаемые, — проворчала Соня.

«Издеваются они надо мной, что ли?» — подумал Орехин. Он приготовился услышать чей-нибудь приглушённый смешок, но в аудитории установилось напряжённое молчание. Щёки именинницы сделались пунцовыми. Её подружки нахохлились, поджали губы.

Соня перехватила недоумённый взгляд Орехина и сказала:

— Вы про Ираклия Наумова не слышали? Загуглите. И всё поймёте...

— Так, ладно... — Орехин, поправив очки на переносице, открыл наконец нужный конспект. — Проблемы с мозгами обсудите позже. Сейчас мы будем говорить про английские артикли.

Орехин любил свою работу. Преподавание было для него больше, чем просто источник дохода. Он нырял в работу с головой — и всё непонятное, неприятное, беспокоящее оставалось на берегу, как сброшенные пловцом вещи. В конце рабочего дня, удовлетворённый, он возвращался к житейским делам и тогда обнаруживал, что какие-то из них потеряли для него прежнюю значимость.

Занятия в техникуме кончились. Орехин шагнул на остановку, любясь зардевшимися рябинами. «...И зачем я спорил с Ланой из-за котёнка? — посмеивался над собой он. — Ведь правда, взять животное все равно что обзавестись новым членом семьи. А если кто-то из нас пока не готов к такому, значит, не стоит торопить события, вот и всё».

Автобус-гармошка, идущий по нужному маршруту, подкатил к остановке, и Орехин втиснулся в душный, забитый пассажирами

салон. Ехать предстояло долго. Чтобы не мешать тем, кому выходить раньше, Егор стал пробираться вглубь салона, к окну. Он почувствовал, как ему в колено уткнулось что-то типа коробки — не то из картона, не то из хлипкого пластика. Глянул вниз и удивился знакомой зелёной сумке-переноске с бордовой надписью на боку. «Не надоело ей этот подарок весь день за собой таскать?» — мысленно усмехнулся Орехин и обвел глазами пассажиров, высматривая ту самую студентку-именинницу. Девушки поблизости не оказалось. Владельцем сумки оказался рыжебородый парень.

«Ничего особенного, просто две одинаковые переноски», — решил Егор, но странное предчувствие, ещё не оформившееся в догадку, засело в нём...

Дома уютно пахло гречкой и котлетами.

— Привет! — выглянула из комнаты жена в тёплом плюшевом костюме с заячьими ушами на капюшоне. — Давай раздевайся, мой руки, и мы тебе кое-что покажем!

«Не сердится», — с облегчением отметил Егор.

— Пап, давай скорей! — запрыгал от нетерпения Денис.

— Ну? Что там у вас? — подыграл Егор. — Вы приготовили мне сюрприз?

— Почти, — Денис за руку потянул его к дивану и, когда отец сел, забрался к нему на колени. — Мам, давай!

Лана протянула планшет. Динька торжественно нажал пальчиком на треугольник в центре экрана.

— Всем привет! — на экране появился весёлый парень лет двадцати с чёрными, разделёнными на пробор волосами. — С вами я, Ираклий Наумов, и мой котёнок Пушистик.

«Не тот ли это Ираклий, о котором говорила Соня?» — заинтересовался Орехин.

— Если вы на моём канале впервые, то вам, наверное, хочется спросить, где же Пушистик. А вот он! — с видом фокусника парень подтянул к себе зелёную переноску и расстегнул молнию на дверке. — Кс-кс, выходи!

Из переноски никто не вышел, однако губы Ираклия растянулись в ласковой улыбке, гла-

за заискрились радостью. Глядя перед собой на пустой стол, парень засюсюкал:

– Пуши-истик, Пуши-истик... Дай-ка я почесу тебе за ушком... – он пошевелил согнутым пальцем, как будто в самом деле почесал за ухом кошку. – Вот так, вот так... Теперь за другим... Чем мы сегодня будем удивлять наших подписчиков? Давай расскажем, как вчера ты во дворе испугался собаки и мне пришлось снимать тебя с дерева.

Парень принялся рассказывать историю, не забывая при этом «играть с Пушистиком».

– Ай! Хватит царапаться! – вскрикивал он, прерываясь на полуслове, грозил пальцем невидимому питомцу, тут же отдёргивал руку, осматривал её с озабоченным видом, дул на «поцарапанное» место. Это выглядело так естественно, будто перед ним и в самом деле был котёнок.

Динька звонко смеялся, наблюдая за представлением. Лана улыбалась, ей тоже нравилось.

Егора охватило чувство, похожее на тоску, – ноющее, гнетущее: вот он, пример для подражания у современной молодёжи. Взрослый парень, ему бы в театре играть или в кино, или другим чем-нибудь полезным заниматься, а он ерундой страдает, кривляется перед камерой. И ведь смотрят...

– Воображаемый питомец – это круто! – подытожил своё выступление Иракий Наумов. – Его не нужно кормить, за ним не нужно убирать. Если вы собираетесь поехать в отпуск, не нужно ломать голову, куда его пристроить. К тому же у вас и ваших детей будет развиваться воображение, а это о-очень крутая штука! Напоминаю, что приобрести такое чудо, – он погладил переноску, – вы можете в интернет-магазине «Мой питомец», ссылку я оставлю под видео.

– Ну, что думаешь? – как будто с вызовом спросила Лана, манерно поправляя на плече волосы, которые были собраны в хвост на затылке. Она всегда так делала, когда ожидала от мужа одобрения.

Орехин уже догадался, что зреет очередная размолвка, но удержаться не смог:

– А ничего не думаю. И вообще, где ты нашла этого афериста?

– Почему – афериста? – в голосе жены проскользнули обиженные нотки. – По-моему, он гений! Ко мне сегодня приходила клиентка на ногти, она и посоветовала. Говорит, купили дочке такого питомца. Дочка довольна, родители довольны. Идеальный вариант! И Денис согласен. Правда, Денис? Хочешь себе воображаемого котёнка?

– Хочу! Хочу! – Динька – светловолосый одуванчик – радостно запрыгал по дивану. – Я назову его Джонни!

– Да и вообще! – Лана раздражённо потрянула волосами. – Сейчас воображаемые питомцы в моде! Почитай отзывы в интернете. Уже многие себе купили, и никто не пожалел!

– Но это же просто дурь какая-то! – Егору хотелось взять Лану за плечи и хорошенько потрясти, чтобы согнать с неё этот странный морок. – Как можно настоящее заменить воображаемым? Да ещё и покупать! Хочешь, я тебе этих котят штук пятнадцать навоображаю? Да что мелочиться? Давай машину вообразим! А лучше – две: тебе и мне!

Динька перестал прыгать, испуганно уставился на отца.

– Денис, вот ты мне скажи, – по-взрослому обратился к нему Орехин, – какой питомец лучше: воображаемый или настоящий?

– Вы... воображаемый, – неуверенно выговорил сын.

– А почему он лучше? – с напором спросил отец.

– Ну... – Денис замялся, полез указательным пальцем в нос, словно надеялся достать оттуда ответ. – Он интересный... И развлекательный.

– Это ты сам так думаешь или мама сказала? – Орехин не сомневался, что Лана уже успела «обработать» сына.

– Сам, – Денис отвёл палец от ноздри и оживился: – Его даже в садик можно с собой брать! Алинка Куликова приносила!

Гневный взгляд Ланы, которым она всё это время пыталась испепелить мужа, сменился на торжествующе-победный.

Как бы ни был против глава семьи, через несколько дней зелёная переноска с бордовой

надписью «Мой питомец» и воображаемый котёнок Джонни появились у них в квартире.

– Папа, смотри, какой он миленький! – Денис складывал ладошки в горсть и совал их Егору в лицо. – Он хочет с тобой играть!

– Мне некогда, – отворачивался Орехин. – Маме отнеси, пусть она поиграет.

Динька послушно нёс пустые ладошки Лане.

– Ой, кто это тут такой хорошенький? – принималась ворковать Лана. – Чьи это лапки? Чей это хвостик, усики?..

Егора мутило от её приторного тона.

Сначала он думал, что жена нарочно подыгрывает сыну с таким усердием, потом стал замечать, что она увлеклась игрой в воображаемого котёнка чуть ли не больше сына. Когда они все вместе возвращались откуда-нибудь домой, Лана первая вспоминала про питомца, ещё с порога начинала сюсюкать:

– Как же наш Джонни тут один? Скучал без нас?

Динька бежал к переноске, место для которой определили в промежутке между его диванчиком и шкафом. Возвращаясь с плаксиво сдвинутыми бровями, сообщал:

– Да, мам, он скучал...

– ...Интересно, сколько живут воображаемые питомцы? – съязвил однажды Орехин. – Когда он у вас сдохнет?

Денис испуганно глянул на отца и горько разрыдался.

– Думаешь, что говоришь! – осадила мужа Лана, подхватив сына на руки. – Не плачь, папа шутит. Наш Джонни никогда не умрёт.

В другой раз Лана сама довела сына до слёз, когда не разрешила спать с Джонни.

– У него есть своё место! – строго сказала она.

Тогда уже Егор зашипел на неё:

– Тебе не кажется, что ты заигралась?!

Впрочем, заигралась не только жена Орехина.

Заигрались все. Зелёные сумки-переноски расплодились по городу подобно вирусу. Егор встречал их повсюду: на остановках, в транспорте, в гостях... Он видел их из окна в руках

прохожих, на скамейках в парке рядом с влюблёнными парочками, в корзинах под детскими колясками, на коленях у старушек, выходящих погреться на лавочке под осенним солнцем.

«Люди! Откройте глаза! Вы нянчите пустые сумки! Вы сходите с ума!» – хотелось кричать Егору, но он понимал: бесполезно. Если даже собственная семья его не слышит, то чужие люди не услышат и подавно.

Иногда в голове у него вспыхивал вопрос: «Что же делать?» В такие моменты Орехин злился на самого себя, неуверенно утешая себя мыслями: «А что я могу один против всех? Может, просто подождать, когда они наиграются? Когда-то ведь это должно надоест».

В один из субботних дней Орехин сидел перед телевизором.

– ...Не переключайтесь, после рекламы вас ждет интервью с известным блогером, лидером общественного движения «Свободу питомцам» Ираклием Наумовым! – сообщила губастая ведущая местных новостей.

Орехина неприятно удивила прыткость этого парня. Уже и общественное движение замутил, и на телевидении засветился! Такой далеко пойдёт.

Ираклий появился на экране в зелёной футболке с бордовой эмблемой из букв «С» и «П», заключённых в кольцо из следов от кошачьих лапок.

– Ираклий, расскажите, пожалуйста, об идее, которую ваше общественное движение хочет донести до народа, – попросила ведущая. – В каком смысле – свободу питомцам?

– В прямом! В самом прямом! – с горящими глазами заговорил гость программы. – Люди держат в своих квартирах кошек, собак, других животных и полагают, что это хорошо. Никто почему-то не задумывается, что это тюрьма. Животные вынуждены сидеть взаперти, и если собак ещё выводят на прогулки, то многие кошки, не говоря уже о грызунах или птицах, вообще не знают, что такое трава, деревья, небо!

– То есть вы призываете людей выпускать питомцев на улицы города? – уточнила ведущая.

— Нет, на улицы города — ни в коем случае. Я призываю создать для них за городом заказники, чтобы они могли жить в естественных природных условиях и в то же время находиться под защитой человека.

— Но почему вы думаете, что животным будет лучше в заказниках? — вежливо усомнилась ведущая. — Они привыкли жить в квартирах... Привыкли, что люди о них заботятся. В естественных условиях им придётся самим добывать еду, мёрзнуть в холода, мокнуть под дождём, драться за территорию...

— Да, для них это будет большим стрессом, — живо подхватил Ираклий. — Поэтому я думаю, что питомцев к жизни в заказниках нужно будет приучать постепенно, как приучают детей к детскому саду.

— Звучит как «насильственная свобода», — улыбнувшись, сказала ведущая, как будто предлагая оппоненту поскорее разубедить её, а заодно и зрителей.

— Свобода — это лучшее, что мы можем дать своим питомцам. Это лучшее доказательство нашей к ним любви. — Глаза Ираклия лучились светлой грустью. — Представьте себя на их месте. Представьте, если бы мы были питомцами у каких-нибудь больших существ. Они уходили бы на работу, на целый день запирали бы нас в своих жилищах... Все наши познания о мире ограничивались бы квартирой и видом из окна... Что бы вы предпочли: сытую жизнь в плену или полуголодную — на свободе?

— А как в таком случае быть одиноким людям? Они заводят домашних животных, чтобы хоть кто-то скрашивал их жизнь, — попыталась возразить ведущая.

Ираклий встрепенулся:

— Для них есть замечательный альтернативный вариант — воображаемые питомцы!

«Гениально! — хмыкнул Орехин, чувствуя, как его переполняет отвращение к этому ушлomu пареньку из телевизора. — Сдавайте своих настоящих животных в заказники и покупайте у меня воображаемых!»

— Время нашего эфира подходит к концу, — заторопилась ведущая. — Может, вы хотите ещё что-то сказать телезрителям?

— Да! — решительно кивнул блогер. — Я хочу попросить всех неравнодушных о помощи. Власти уже пообещали нам выделить территорию для двух заказников, но нужны деньги, информационная поддержка, волонтёры...

Орехину показалось, что у него зашевелились волосы на голове. Всегда он считал это образным выражением, но в тот момент волосы как будто и впрямь зашевелились от услышанного. Неужели люди поверили?! Власти повелись?! Как такое вообще возможно?! Кто он — этот парень? Откуда взялся? Что за суперспособностями убеждения он обладает?

У каждой идеи, у каждого дела, каким бы хорошим оно ни было, всегда находятся противники и критики, однако, как ни странно, у Ираклия они не спешили объявляться. Орехин вышел в интернет, просмотрел тучи комментариев под видео шустрого парня — там ни одного ругательного отзыва. Пытался найти разоблачительные ролики или статьи других блогеров — как будто кто-то специально следил за этим и не пропускал ничего подобного в сеть. Зато сообщения с призывами поддержать движение Ираклия Наумова забили Орехину ленты новостей, чаты во всех социальных сетях и мессенджерах. Остановки, заборы, подъезды покрылись ядовито-зелёными листовками. Молодые люди в зелёно-бордовых жилетах, надетых поверх осенних курток, и с ящиками для пожертвований заполнили улицы и подземные переходы...

— Я же говорю, он гений! — воскликнула Лана, когда Егор поинтересовался, что жена думает о новой идее ушлого блогера. — Он открыл людям глаза! Все мои клиентки его обожают!

Услышать от неё что-то другое Егор почти и не надеялся.

Мучительное «что же делать?» не отступало, наседало, требовало ответа... Орехин чувствовал себя загнанным в угол. Он понимал: нужны единомышленники. Хотя бы один, иначе не выжить в этом безумии. Только где их искать? Почему они молчат? Не хотят быть первыми? Но ведь кто-то должен

быть первым. Бросить, что ли, клич? Может, кто-то отзовётся.

Осознание «если не я, то кто» обожгло Орехина. Он уже несколько ночей толком не спал, в голове шумело от недосыпа, будто в морской ракушке. Сон, тонкий, рваный, как старое одеяло, не приносил отдыха, но наступления и такого сна приходилось ждать по полтора-два часа.

Осторожно, чтобы не спугнуть мерное сопение жены и сына, Егор выбрался из постели, нашарил на тумбочке очки, телефон. На кухне он сел на табуретку и, подперев спиной настенный «Биг-Бен», тыкая пальцами в экран, набрал небольшой пост для своей новостной ленты: «Люди, очнитесь! Вас дураят! Иракий Наумов — гениальный аферист, он продаёт вам воздух! Настоящая цель организованного им движения «Свободу питомцам» — нажать ещё больше! Сдав своих реальных любимцев в заказники, — по сути, это будут самые настоящие концлагеря для животных, — вы пойдёте к нему покупать воображаемых питомцев. Вот для чего он всё это затеял! Неужели вы этого не понимаете? Не будьте дураками, прошу вас!»

Утром его грубо растолкала Лана. Красная от гнева, с всклоченными волосами, она пихнула ему в лицо телефон:

— Ты что, с ума сошёл? Зачем ты написал это?

Сонный Егор не сразу сообразил, что от него хочет жена, взял телефон у неё и, сощурившись, всмотрелся в экран. Ах да, пошла реакция на его заметку! Уже есть комментарии! Он, взволнованный, сел на постели, стал пальцем прокручивать ленту. Увидел возмущённые отклики: «Как вы можете такое говорить? А ещё преподаватель!»; «Егор Александрович, такого мы от вас не ожидали!»; «Орехин, ты сбрендил? Что ты несёшь?» Самый последний комментарий написала Лана: «Страничку моего мужа взломали, это не он».

— Мне стыдно за тебя! — выкрикнула она и в каком-то истерическом припадке топнула босой ногой по холодному полу. — Удали, пока не поздно!

Егор посмотрел на жену с внимательным беспокойством, как доктор — на пациентку,

подхватившую неизвестную болезнь: есть ли шанс её вылечить? Перевёл взгляд на сына. Тот сидел, вжавшись в угол на своём диванчике, прижимая к груди пустоту: это воображаемый Джонни.

Вид жены и сына только подхлестнул в Егоре желание бороться.

— Нет, — твёрдо сказал Орехин и удалил комментарий Ланы о том, что его взломали, и поднялся с постели — пора было собираться на работу.

На лестничной клетке он, как всегда, встретил соседа-пенсионера с лабрадором. В одной руке сосед держал собачий поводок, в другой — переноску с логотипом «Мой питомец».

Егор едва не застонал: и этот «заразился».

— Тоже воображаемого завели? — изо всех сил стараясь быть дружелюбным, кивнул он на сумку.

— Да, — вздохнул сосед. — Когда Лорда отпустим на свободу, дома станет пусто. А так хоть этот, воображаемый, останется. Решили с супругой купить заранее, будем привыкать.

Пёс заискивающе глянул на Орехина и махнул хвостом, словно извинился за глупость своего хозяина.

— Вы уверены, что Лорду в заказнике будет лучше, чем с вами?

Сосед простодушно удивился вопросу:

— Конечно! Там ему раздолье, будет бегать, резвиться. А тут — что? Гулять ходим на поводке...

— Мне не нравится идея с заказниками, — осторожно поделился Орехин. — Представьте, какие площади нужно выделить, чтобы для всех животных города там было раздолье? Они же перегрызутся в этих заказниках... А зимой, в морозы как?.. Раздолье можно для них и без заказников время от времени устраивать — хотя бы выехать за город да отпустить с поводка...

В глазах соседа появилось то же обиженно-упрямое выражение, которое Егор видел в глазах Ланы, Диньки, студентки-имениницы, которой одноклассники притащили сумку с воображаемым питомцем прямо в колледж.

– Ладно, хорошего дня, – махнул Орехин рукой.

На душе у него стало так скорбно, как будто сосед умер.

Студенты враждебно косились на Орехина, пока он шагал по коридору к преподавательской. А там коллеги встретили осуждающим молчанием.

– Тебя директриса искала, – сообщил Серёга – Сергей Иванович, преподаватель ОБЖ, хороший приятель Егора. – Сказала, чтобы зашёл к ней, когда появишься.

– Зачем? – спросил Егор, хотя уже и сам догадывался.

– Прочитала твою заметку в интернете... Ну ты и выдал, конечно... – Серёга покачал головой – пожурил, как умный старший брат младшего, натворившего что-то не со зла, а по глупости.

– Вы на самом деле не понимаете, что происходит? – Орехин испытующе ковырнул взглядом каждого, кто был в преподавательской. – Никто из вас?

– Вы, Егор Александрович, прямо как подросток в переходном возрасте, который устраивает бунт против общества ради того, чтобы на него обратили внимание, – поморщилась психологиня – дама предпенсионного возраста с длинным прямоугольным лицом и шапочкой русых волос на голове. – Другого объяснения вашему поступку я не нахожу.

– Серьёзно?! Не находите?! – вспыхнул Орехин. – Вы не находите, что вся эта ситуация с воображаемыми питомцами и заказниками – бред? По-вашему, Галина Даниловна, это нормально – избавиться от живого существа, которое вам доверяет, и вместо него завести пустую сумку?

– Вы всё перековеркали, – с видом непоколебимой каменной глыбы сказала психологиня. – Доброе дело выставляете в чёрном цвете. У вас проблемы, Егор Александрович.

– Это у вас дальтонизм, а не у меня проблемы!..

Кто-то сзади потянул Орехина за рукав пиджака, он обернулся и увидел преподавательницу русского Елену Николаевну, сидевшую на коротеньком сером диванчике из кожзаменителя.

«Успокойся», – сочувственно говорили её голубые, жирно подведённые глаза, окруженные тонкими стрелочками морщин. Она подвинулась, и Орехин машинально сел, чувствуя себя закипевшим, но вовремя выключенным чайником.

– Вы знаете, Галина Даниловна, – в своей задумчиво медлительной манере обратилась Елена Николаевна к психологине, – мне это движение за свободу питомцам тоже кажется сомнительным. Я выросла в деревне. Там, знаете, кошки и собаки бегают свободно, где хотят и сколько хотят. Но они всегда возвращаются домой.

– Они возвращаются туда, где их кормят, – хмыкнул седобородый историк. – Перестаньте их кормить – и им не за чем будет возвращаться к человеку.

В распахнувшуюся дверь, потрясая бумагами, ворвалась директриса – полная, с большим задом, мощной грудью, как всегда стремительная, готовая безжалостно задавить всех, кто случайно окажется на пути.

– Коллеги! Пришло письмо из министерства! Кураторы должны срочно провести в своих группах беседы в поддержку движения «Свободу питомцам!». Завтра уже нужно отчитаться! Вот, ознакомьтесь! – она кинула бумаги на стол. – Орехин пришёл?

Психологиня указала взглядом в сторону Егора, сидящего на диванчике. Директриса круто повернулась к нему.

– В поддержку, Егор Александрович, вы слышали? В поддержку! Насчёт вас мне уже был звонок! Жду вас у себя!

«О как! Оперативно работают с недовольными!» – удивился Егор и, ощутив внутри растущую, словно на дрожжах, задорную лихую злость, подумал, что никаких бесед он, конечно же, проводить не будет и к директрисе не пойдёт.

Протрещал звонок на первую пару. Коллеги один за другим не спеша двинулись из преподавательской по аудиториям.

В коридоре Орехин догнал Елену Николаевну.

– Как, ты не пошёл к Раисе Львовне? – удивилась она.

– Нет, я пошёл на пару... Вы будете проводить беседу, Елена Николаевна?

– Придётся, раз начальство велело, – призналась она.

– Но вы ведь только что сказали, что это движение кажется вам сомнительным... – напомнил Орехин.

– Мало ли что мне кажется... Мне работа нужна. У меня дочь с внуком на шее... и кредит...

Злое веселье Орехина потухло, будто в душу плеснули холодной воды.

– Но как можно поддерживать то, в чём вы сомневаетесь?

Елена Николаевна остановилась у дверей своей аудитории и с видом умудрённого опытом человека изрекла:

– Просто относись к этому как к работе.

Помрачневший Орехин пошёл дальше. Сколько их – таких, как она? Сомневающихся, но послушных?.. Живущих по принципу: сказали «надо» – значит, надо?.. Выдрессированных с детства?.. Сделал то, что велено, – молодец, «пять» тебе, ты хороший. Не сделал – плохой, будешь наказан. Орехин и сам всегда стремился быть хорошим, делал что велено. Но больше не мог. Сейчас не мог.

В аудитории его ждали первокурсники. Студентка за первой партой крайнего от двери ряда, та самая бывшая именинница, сложила ярко-красные губы в сморщенный пельмень, когда Орехин проходил мимо, проводив его до кафедры недобрым взглядом. В ещё не до конца установившейся тишине с шорохами, затихавшими разговорами появилось что-то новое, неприятное для Орехина – он почувствовал это.

Егор присмотрелся, прислушался к себе и понял: нет, не появилось, а исчезло. Исчезло уважение, как будто вчера студенты видели его свински пьяным и выкрикивающим непристойные вещи.

«Неужели они все до единого заразились этим? – простонал внутри себя Орехин. – Неужели все безнадежны? Как их спасти? Как их вывести из-под влияния Ираклия Наумова?»

Дверь осторожно приоткрылась, и в образовавшуюся щёлочку в кабинет проскольз-

нула Соня. Некрасивая, умная Соня с круглой головой на тонкой шее, будто шарик на палочке.

– Извините за опоздание, – сказала девушка и внимательно сощурилась на Егора, словно видела его вчера другим и сейчас сравнивала вчерашнего и сегодняшнего.

«Мозги у вас тоже воображаемые», – вспомнил Орехин Сонину фразу и чуть не вскрикнул от радости: вот же, есть ещё один здравомыслящий человек! Почему он забыл про Соню?!

Дождь, весь день с усердием поливавший город, к концу занятий затих. Рабочий день в колледже кончился. Орехин дождался Соню за оградой здания. В длинной куртке, напоминавшей грязно-жёлтый бесформенный балахон, из-под которого торчали худые ноги, обутые в кроссовки на массивной подошве (утюги – как называл их про себя Орехин), она была похожа на нищенку. Как будто кто-то большой и добрый сжалился над ней и пожертвовал свои огромные вещи.

Другие студентки стайками выпархивали из дверей колледжа, щебеча о чём-то, бежали к остановке. Соня брела одна. Орехин почувствовал в ней что-то шемяще родное: он ведь тоже один... совсем один в этом свихнувшемся мире.

Соне не нужно было на остановку. Она пошла по мокрой, скользкой тропинке под деревьями, понуро опустившими почти уже голые ветки. Тропинка вела сначала за угол, потом – через жухлый двор, мимо старых обшарпанных многоэтажек. Орехин шагал за Соней на некотором расстоянии, представляя, как, наверно, подозрительно это выглядит со стороны: преподаватель, крадущийся за студенткой. Но разговаривать с Соней в колледже или поблизости от него было бы нежелательно – это вызовет ещё больше слухов и подозрений.

Когда тропинка вывела к нерегулируемому переходу через пустынную, заросшую клёнами и бетонными заборами улицу, Орехин окликнул Соню по имени. Та обернулась.

– Егор Александрович? – в глазах у неё промелькнуло удивление.

«Вот чёрт, как же сказать ей обо всём этом?» — растерялся Орехин, почувствовав себя до отчаяния глупо.

— Соня, я хотел поговорить с тобой о том, что происходит... — непривычно волнуясь, заговорил он. — Я знаю, что ты тоже считаешь это всё ненормальным... Все эти воображаемые питомцы и заказники... — он с надеждой глядел в лицо девушки, пытаюсь уловить её мысли: — Ну, ты понимаешь?..

— Понимаю, — серьёзно ответила студентка. — Но не совсем понимаю, что вы от меня хотите.

— Я не знаю, Соня... — искренне признался Орехин. — Но надо же с этим что-то делать! что-то придумать!.. Я больше не могу смотреть, как люди сходят с ума.

Соня печально покачала головой. Теперь Орехин убедился, что она действительно понимает его, но в глубине души уже пережила, смирилась с этим абсурдом.

— Всё бесполезно, Егор Александрович. Я пробовала с ними разговаривать. Никто не слышит, — обреченно сказала она.

— Но я же слышу! Мы с тобой слышим друг друга! Нас уже двое! — Орехин словно хватался за соломинку.

— Вы да я... Что мы можем — двое против всех? Нас просто затопчут. Забьют камнями. Для них мы сумасшедшие, — она помолчала немного и призналась: — Я иногда думаю... может, и правда, это со мной что-то не так, а не с ними. Это же я не такая, как все. Значит, дело во мне самой.

— Соня, не надо так думать! — заволновался Орехин.

— Пусть делают, что хотят, — махнула она рукой и пошла по переходу на другую сторону улицы.

Орехин смотрел ей вслед: грязно-жёлтый балахон, худые ноги в кроссовках-утюгах... Ему казалось, это не Соня уходит — уходит его надежда, такая же тшедушная и нелепая, как эта девчонка.

Ночью, лёжа в постели, Орехин снова не мог уснуть. Болела душа. За Лану, за Диньку. За Соню. За приятеля Серёгу. За Елену Нико-

лаевну. За соседа и его лабрадора... Голова лопалась от мыслей, словно сундук, забитый бесполезным барахлом. Егор ворочался, уговаривал себя поспать, ведь рано утром вставать на работу. Пробовал считать, но всякий раз сбивался и обнаруживал себя упрямо ворошащим «сундук» в поисках хоть какой-нибудь стоящей идеи.

Понимает ли сам раздухарившийся блогер Ираклий Наумов, что делает? Он, как паук, плетёт и плетёт свою паутину, сучит жирными лапами, опутывая попавших в неё людей всё крепче и крепче. Взятся же откуда-то, вылез из какой-то щели! Прихлопнуть бы его чем-нибудь! Сколько людей, тихих, безвредных, умирает каждый день. А этому типу ничего, живёт и здравствует!..

Орехин испугался собственных мыслей: раньше он никому не желал смерти. Он повернулся на другой бок, лицом — к жене, надеясь, что вместе с положением тела поменяются и мысли. Но Лана лежала спиной к нему на другом краю постели. Когда только легли, демонстративно отодвинулась подальше от мужа, да так и заснула. В груди у Егора тоскливо заныло: он понял, что скучает по жене — прежней. Обнять бы её, уткнуться лицом в шёлковые, пахнувшие конфетами волосы... А утром, открыв глаза, увидеть, что нет и не было никаких воображаемых питомцев и никакого Ираклия. Или услышать в утреннем выпуске новостей, что его больше нет...

Впрочем, гибель «главного паука» вряд ли спасёт его жертв. У него уже десятки, если не сотни последователей — тех «ассистентов-паучков», которые помогают ему плести сеть, и они продолжают начатое им дело, потому что верят — и это самое страшное! — в то, что оно благое.

Здесь нужно бороться и побеждать. Только как?.. Чтобы бороться с Наумовым его оружием, надо быть равным ему по популярности. А себя в роли блогера Егор совсем не представлял. Занудный дядька в очках — вот он кто. Давать видеоуроки у него ещё получилось бы. А большее — вряд ли. Чтобы стать блогером, надо быть таким человеком, на которого многие пользователи захотят смотреть

и слушать его... В конце концов блогер должен располагать к себе, влюблять в себя, вести людей за собой...

Егор перекатился на спину, подтянул одеяло к подбородку. Его мысли перемешались в голове, как стёклышки в калейдоскопе. И вдруг на общем фоне ярко высветилась одна, совсем безумная: он должен найти способ встретиться с Ираклием и поговорить! Надо разобраться, кто он и что он. Объяснить ему, что он творит! А вдруг этот приткий блогер уже и рад бы остановиться, но не знает как, потому что его несёт им же запущенный и потерявший управление бешеный поезд?

Связаться с Ираклием оказалось не так-то просто. Личные сообщения в соцсетях у него были закрыты. На письмо с предложением встретиться и якобы обсудить выгодную сделку, отправленное по электронной почте, ответил помощник и попросил изложить суть вопроса ему. Тогда Орехин, надев ради конспирации старую куртку с глубоким, будто пещера, капюшоном и надвинув на глаза кепку, явился на организационное собрание для новичков-волонтеров. Но и там общение не получилось: после мероприятия Ираклий сразу уехал в сопровождении плотной свиты, протиснуться через которую было нереально.

Ни одна база данных в интернете не выдала Орехину ни номер телефона Ираклия, ни адрес. Тогда он взялся просматривать видеоролики «гениального» блогера, его прогулки с воображаемыми питомцами во дворе, надеясь увидеть что-то особенное, запоминающееся, за что можно зацепиться и вычислить, где он живёт. Однако двор Ираклия ничего особенного из себя не представлял: на заднем плане в такт шагам блогера покачивались серые стены панельных многоэтажек, маячили побеленные стволы деревьев, мелькали старенькие качели и общипанные клумбы. Обычный двор, таких половина в городе...

Как-то раз, опять просматривая ролики, Орехин выцепил взглядом кое-что знакомое. На считанные секунды в кадре появилась красная «Лада Гранта». С водительского места вышла светловолосая женщина с прямоуголь-

ным лицом. Егор весь напрягся от волнения. Он узнал водителя! Без сомнений, это Галина Даниловна, психологиня из техникума. У неё точно есть красная «Гранта»! Значит, искать Наумова надо поблизости с адресами, где бывает Галина Даниловна.

В последнее время Егора стало преследовать ощущение, что его подменили. Нет, не он живёт, мыслит... Вместо него это делает кто-то другой — некий персонаж странной книги, которую Егор — тот, что настоящий, — читает, сидя в кухне под бутоном настенной лампы, льющей на страницы тёплый уютный свет. Разве мыслимо в реальной жизни, чтобы преподаватель педагогического колледжа, серьёзный и уважаемый человек, после работы надевал старую куртку с глубоким капюшоном, широкие, как у рэперов, штаны и отправлялся в чужой двор выслеживать какого-то мальчишку-блогера?..

Стоял поздний октябрь, темнело рано, холодало крепко. Орехин который вечер вёл наблюдение за двором, в котором жила Галина Даниловна. Опасаясь привлечь к себе ненужное внимание, он старался меньше расхаживать: выбирал точку, с которой хороший обзор, и замирал там, будто снайпер в ожидании цели. В такую погоду Орехин быстро замерзал, отчего начинал тосковать по тёплой машине, которой у него никогда не было. Да никакой машины у него не было!

Дело осложнялось ещё и тем, что он не знал наверняка, в каком подъезде может жить блогер и в какое время возвращается домой или, наоборот, уходит. Затея была больше глупой, чем стоящей, но даже глупая затея лучше, чем ничего, так решил для себя Егор.

В тусклом фонарном свете все попадавшие в поле зрения молодые люди казались Орехину одинаковыми, и во всех, если только они не были слишком полными или высокими, ему чудилось что-то от Ираклия. Каждого он готовился окликнуть, но в последний момент сомнения пересиливали.

В один из вечеров небо, судьба или какое иное ведомство, раздающее людям счастливые случаи, решило наградить Орехина за упор-

ство: на присыпанной скупым снежком дорожке появился наконец настоящий Ираклий Наумов. На этот раз ни одно сомнение даже не шевельнулось в Орехине. То ли по походке, то ли по манере держать голову, чуть откинув назад, он сразу догадался: это Наумов.

Ираклий возвращался домой около девяти вечера. Уставшим он не выглядел, шагал бодро. Уже одно это вызвало у замёрзшего Орехина всплеск неприязни. Он подождал, пока парень пройдёт мимо его «наблюдательной точки» — детской горки с металлической лестницей, от сидения на которой давно онемела спина, и двинулся следом. Выказывать неприязнь было нельзя, поэтому, настраиваясь, Орехин глубоко вдохнул холодный осенний воздух, как будто наполняя себя искусственным дружелюбием, и потом окликнул Ираклия. Тот обернулся и, окинув преследователя недоверчивым взглядом, зашагал быстрее.

— Ираклий, извините, вы меня не знаете, я... — Егор хотел было уже представиться, но вовремя сообразил, что лучше этого не делать. — Вы интересны мне как человек... — мигом переменял тему Орехин. — Вы феномен нашего времени, так сказать... Можно вас кое о чём спросить?

Ираклий недоверчиво смотрел на прицепившегося к нему типа, одетого как гопник, но выражающегося как вполне приличный человек.

— Мне некогда. Хочешь что-то спросить — свяжись с моим помощником, он назначит время, — пренебрежительно сказал он и зашагал к подъезду.

Егора задела пренебрежительная фамильярность, которой этот сопляк-блогер ответил ему на деликатное «выканье», но пришлось проглотить и это. По ступенькам поднимаясь вслед за парнем на крыльцо и чувствуя, что контролировать рвущуюся наружу неприязнь ему становится всё труднее, Орехин не сколько попросил, сколько потребовал:

— Один вопрос!

— Все вопросы — к моему помощнику, — с раздражением кинул Ираклий через плечо и протянул руку с ключом к домофону.

Егор не мог допустить, чтобы встреча, кото-

рой он с таким трудом дождался, закончилась вот так. Он перехватил протянутую к домофону руку и, заломив её за спину, придавил блогера к стене. Фонарь, стеклянной шишкой висевший над дверью, осветил скривившиеся от боли губы Ираклия и испуганные, глубоко посаженные чёрные глаза из-под шапки, натянутой до самых бровей.

— Что тебе надо?! — проскулил парень.

— Чтобы ты ответил мне на один вопрос! — прорычал Орехин.

Ненависть неконтролируемо росла в нём, поднималась гигантской волной, грозившей обрушиться и затопить разум. Всё из-за него, из-за этого сопляка, мерзкого паука, сидящего в центре паутины и дёргающего за ниточки!

— Ты вообще понимаешь, что творишь?! Ты лезешь в чужую жизнь! Ты делаешь людям плохо!!! — почти крикнул Орехин.

— Отпусти! — дёрнулся Наумов и снова скривился от боли.

— Тебя прёт, да?! — ещё больше навалился на него Орехин. — Прёт от того, что ты как крысолов с дудкой? Пудришь людям мозги, а они идут за тобой, глотают всю чушь, которой ты их пичкаешь! У тебя талант, крысолов! Ты красиво играешь! Но не ту песню!

— Я никого никуда не веду, — простонал Ираклий. — Я никого не пичкаю. Я просто поддал идею, и оказалось, что им это нужно. Я помогаю людям в том, чего они сами хотят! Им самим так удобнее, правда! Просто я...

— Врёшь! — с ненавистью перебил Егор. — Ты внушил людям, что им это нужно! Ты мошенник, аферист, и не надо прикидываться благородным героем!

Не так, совсем не так должен был сложиться этот разговор. Орехин — всё-таки он педагог — собирался поговорить с парнем по-хорошему, он хотел если не достучаться, то хотя бы оставить ему пищу для размышления. Но волна злобы подхватила, понесла Егора, захлёбывающегося эмоциями, совсем не в том направлении. «Придушить! Придушить этого ушлёпка!» — яростно требовало что-то звериное, поселившееся в душе Орехина.

Из недр подъезда донёсся звук опускающегося лифта.

— Помогите!!! — звонко выкрикнул Ираклий.

Орехин разозлился ещё больше, хоть казалось, что больше уже некуда. Он рывком оторвал блогера от стены, ударил под дых, вложив в удар весь свой гнев. Тот скрючился, схватившись свободной рукой за живот. Орехин наклонился над ним и угрожающе прошипел:

— Сворачивай свою лавочку с воображаемыми питомцами и своё грёбаное движение! Ты понял?!

Ждать ответа было некогда: за железной дверью уже слышались шаги.

«Дурак! Дурак! — мысленно ругал себя Егор, когда после той стычки ехал домой в полупустом автобусе. — Я же не хотел его бить!..» Ненависть схлынула, осталось раскаяние: Орехин понимал, что сделал всё не так. Украдкой он поглядывал на свои руки и не мог поверить, что эти руки только что причинили боль человеку.

Добравшись до дома и согревшись под тёплым душем, Егор уже не мог поверить, что он действительно был там; казалось, это не он, а какой-то другой Егор Орехин, про которого он прочитал в книжке, вскипал злобой, заламывал руки и готов был удушить того в общем-то жалкого на вид, пусть и ушедшего черноглазого паренька.

Следующим утром Орехин, как обычно, собирался в колледж на занятия. Он ходил туда-сюда по квартире, одновременно слушая новости по телевизору.

«Вчера вечером на популярного блогера Ираклия Наумова было совершено нападение, — сообщала губастая телеведущая. — Неизвестный подкараулил его во дворе дома, преследовал до дверей подъезда, затем нанёс несколько ударов и потребовал, чтобы блогер свернул движение «Свободу питомцам!». Услышав шум в подъезде, неизвестный скрылся. Составлен фоторобот преступника...»

Пальцы Егора, который в этот момент застегивал рубашку, замерли на предпоследней пуговице. Он тревожно уставился на экран те-

левизора. «Кажется, не похож», — мысленно отметил, увидев фоторобот преступника.

Лицо на фотороботе было чересчур вытянутым, подбородок по-злодейски остро торчал вперёд, в оправу очков были вписаны неестественно огромные глаза. Видимо, Ираклий плохо разглядел его, чётко запомнил только одну деталь — очки в прямоугольной оправе.

— Это же ты! — воскликнула вошедшая в этот момент в комнату Лана.

— С чего ты взяла? — попытался вывернуться Орехин, а у самого душа ушла в пятки.

— Это ты! — уверенно повторила жена — настолько уверенно, что не стоило и пытаться переубедить её в этом. — Вот, значит, какие у тебя дела были вечерами!..

Действительно, в предыдущие недели Орехин кожей чувствовал ту пропасть, которая зияла между ним и женой. Они почти перестали разговаривать. Совместные ужины стали пыткой: только легкое позвякивание посуды и настороженный Динька, переводящий тревожный взгляд с матери на отца.

— Господи-и-и! — с отчаянием протянула Лана и спрятала лицо в ладонях.

Тут же в комнату влетел Динька и замер, прячась за мать.

Орехин так и стоял, не зная, что предпринять.

— Егор, что с тобой происходит? — жена страдальчески смотрела на него.

Орехин ждал злости, презрения, даже ненависти, но не был готов увидеть, что жена из-за него страдает. Ему стало так больно, что не вдохнуть, не выдохнуть. Захотелось обнять Лану, успокоить, убедить, что всё с ним в порядке. Он шагнул к ней, обнял, с удивлением отметив, что пропасть между ними только казалась ему непреодолимой, на самом деле это всего лишь маленькая трещинка в отношениях, которую можно залечить нежностью и любовью. Лана напряжённо замерла в объятиях мужа, но увернулась от поцелуя. Орехин вообразил, что ей неловко из-за Динькиного присутствия.

— Всё хорошо, — шепнул он, наслаждаясь тем, как мягко шекочат лицо пахнущие конфетами волосы. — После ужина поговорим.

Вечером дождь со снегом хлестал по лицу. Прохожие, спешащие по домам, ёжились и втягивали головы в воротники.

Орехин не замечал ни колючего дождя, ни пронизывающего ветра. Его грела изнутри благодарность. Он снова и снова вспоминал глаза жены, наполненные страданием, и теперь ему от этого страдания было тепло. Оно означало, что ей не всё равно. Оно означало любовь. А любовь — это такая сила, которая поможет преодолеть всё.

Орехин уже подходил к дому, когда услышал жалобное мяуканье. Мокрый, грязный котёнок, дрожа тощим тельцем, отчаянно кричал, молил о спасении остановившегося рядом мальчика лет восьми. Мальчик был не один. На некотором расстоянии его ждала женщина в коротком красном пальто, элегантно облегающем фигуру. Она требовала:

— Слава, пошли!

— Ма-а-ам, давай возьмём его! — со слезами в голосе тянул мальчишка. — Пожа-а-алуйста!

— Кто-то выбросил, а мы подбирать будем! Он больной и с глистами!

— Ну он же замёрзнет и умрёт!

— Ничего с ним не случится! Волонтёры подберут и увезут в заказник.

— Ему там будет плохо, он же маленький!

Орехин слушал их диалог затаив дыхание, всей душой желая двум страдальцам — мальчику и котёнку — достучаться до сердца женщины.

— Слава, я сказала, нет!

— Давай возьмём! Мы его вылечим! Ты обещала мне котёнка!

— Завтра купим воображаемого.

— Не хочу воображаемого, хочу настоящего!

Егор вздрогнул и возликовал: есть ещё «зрячие» люди! Это ничего, что маленькие, большие вырастают из маленьких.

Мать, потеряв терпение, схватила сына за руку и потащила прочь. Котёнок пошел следом, покачиваясь то ли от ветра, то ли от слабости.

— Мама, он идёт за нами! — заплакал мальчик.

Орехин сам чуть не прослезился.

— Брысь! — женщина с брезгливым выраже-

нием на лице махнула в сторону котёнка сумочкой. — Пшёл!

Егор поравнялся с несчастным малышом, присел на корточки. Чёрный, худой, с длинным мокрым хвостом, он больше походил на крысёнка. Орехин понимал: Лана, конечно, будет далеко не в восторге, поворчит первое время, но...

— Дяденька! Дяденька! — завопил мальчик, безуспешно пытаясь вырваться из цепких материнских пальцев. — Хоть вы возьмите! Он же погибнет!

Мать дёрнула его за руку, что-то сердито шикнула.

Орехин не удержался и крикнул красному пальто:

— У вас замечательный сын! Настоящий человек! Не воображаемый!

Пальто только ускорило шаг.

Егору пришлось пожертвовать шапкой. Он посадил в неё мяукающего котёнка, будто в тёплое гнездо, и тот умолк. Ему было всё равно, кто и куда его несёт, он доверился незнакомцу, протянувшему к нему руки.

Прижимая шапку с котенком к груди, Орехин поднялся на свой этаж. У самой двери квартиры подумалось, что всё складывается правильно: теперь, когда у них появится котёнок, сын и жена увидят разницу между воображаемым и настоящим. Откуда Диньке знать, где настоящее, а где пустое, если у него этого настоящего никогда не было? А Лана в погоне за модой просто перепутала ориентиры.

Егор давно уже не возвращался домой в таком хорошем настроении: наконец-то появился просвет в хаосе происходящего. Он повернул ключ в замке, открыл дверь. Прихожая встретила сумеречной тишиной. Жены и сына не было дома. Ущипнуло тревожное предчувствие, но Егор прогнал его. Подумал, что всё опять складывается правильно. Будет лучше, если к их приходу он успеет искупать котёнка.

Малыш спокойно дал себя помыть. Как будто понимал, что от его поведения может зависеть дальнейшая судьба.

Дома Егор разглядел, что шерсть у котёнка

не чёрная, а серая с тёмными полосками. Тонкие рёбрышки отчётливо прощупывались сквозь кожу. Он был таким худым и хрупким, что, казалось, можно ненароком сломать ему что-нибудь.

Завернув страдальца в полотенце для рук, Орехин отправился на кухню поискать блюдце, чтобы налить молока. Привычно дёрнув цепочку настенной лампы, включил свет и заметил на столе записку.

«Егор, я так больше не могу, — сообщали круглые, похожие на бусины буквы. — Мне страшно. Я вижу, что с тобой что-то происходит, но не знаю, как об этом поговорить. Ты всё время злишься и молчишь. Я надеялась, что это у тебя пройдёт, но становится только хуже. Я устала жить и бояться за себя, за Дениса, поэтому решила уехать к маме. Конечно, тебе самому кажется, что с тобой всё в порядке, но на самом деле не в порядке! Ты стал агрессивным, нападаешь на людей! Я не вернусь и не дам общаться с сыном, пока ты не обратишься за помощью к специалистам. Пожалуйста, сделай это ради нас».

Котёнок мяукнул и вполне осмысленным взглядом посмотрел на новоиспечённого хозяина. Орехин вспомнил, что собирался его покормить. Нашёл в шкафу блюдце, достал из холодильника пакет молока. Хотел было чуть подогреть в микроволновке, но сил после прочтения записки как будто не было, — налил холодного и посадил к блюду котенка.

«Один. Теперь совсем один. Окончательно один, — скреблась в голове Егора мысль. — А вдруг мне и правда нужна помощь? — подумал, устало опускаясь на табурет. — Может, со мной действительно что-то не так?..»

На какую-то секунду мысль о том, чтобы обратиться к специалистам, показалась Орехину спасительной. Ему назначат лечение, и он станет как все. Лана вернётся. Жизнь наладится. Всё равно из него не получится борца. Его либо посадят в тюрьму, либо упрячут в психушку. Барахтаться в одиночку бессмысленно.

Вдруг котёнок вцепился Орехину в штанину и полез вверх по ноге. Царапанье маленьких, но острых коготков по коже привело его в чувство. Егор взглянул на спасительную

мысль с другой стороны. И так, стать как все? Сюсюкаться с пустыми сумками? Нет, Орехин не хочет становиться таким. Он слишком рано собрался сдаваться. Слишком рано поставил крест на Диньке и Лане...

В прихожей завибрировал телефон.

«Лана!» — пронзило Орехина, и он, ссадив котёнка на пол, кинулся в прихожую, достал требовательно жужжащий гаджет из кармана куртки.

Звонила не Лана. На экране светился незнакомый номер. Орехин какое-то время разочарованно смотрел на него. Никого, кроме жены, он слышать не хотел, но всё-таки заставил себя ответить.

— Алло, — без интереса приложил телефон к уху.

— Егор Александрович! Это Соня! — голос у неё был встревоженный.

Орехин удивился: что у неё произошло и как это может быть связано с ним?

— Егор Александрович, вы дома?!

— Да, Соня. Что-то случилось?

— Никуда сегодня не выходите! — она торопилась, словно боялась, что он не станет слушать и бросит трубку. — И завтра тоже! Я имею в виду вечером. А может, и утром тоже!

— Так, успокойся, — строго прервал её Орехин. — Объясни толком, что случилось.

— В общем, — Соня постаралась говорить спокойнее, — все решили, что это вы напали на Ираклия Наумова, и собираются вас... наказать.

— Кто — все? — Егор напрягся.

— Ребята из колледжа. Они хотят вас подкараулить или как-нибудь выманить из дома. Не верьте никаким звонкам и сообщениям!

— Хорошо, я понял, Соня. Спасибо. — Орехин попрощался со студенткой и разорвал соединение.

Затем он вернулся на кухню, положил телефон на стол рядом с запиской жены.

— Значит, наказывать собрались, — проговорил вслух, усмехнувшись абсурдности происходящего. Понятно, ему было не до смеха, но и страха он тоже не чувствовал — скорее, отчаяние и ярость окруженного со всех сторон зверя.

Котёнок, присевший с оттопыренным хвостом в углу, и появившаяся после этого лужица напомнили, что надо купить лоток и наполнитель. Орехин даже обрадовался поводу выйти из дома. Нет, решил Егор, он не станет прятаться в квартире, как суслик в норе. Он будет ходить где и когда хочет и говорить что считает нужным. А если толпа «зомбированных» захочет убить его — пусть. Бояться и прятаться — это уже слишком.

Одевшись, Егор спустился по лестнице на улицу.

У подъезда, вопреки ожиданиям, его никто не караулил. Мирно светил фонарь и отдыхали припаркованные автомобили. Егор благополучно дошёл до гипермаркета, купил принадлежности для кошачьего туалета, несколько пакетиков с кормом и пачку пельменей, вспомнив, что себя тоже нужно чем-то кормить. На обратном пути услышал, что за ним идут. Шаги преследователей вразнобой сыпались по асфальту за спиной. В самом тёмном месте двора Егора обогнал долговязый парень, бесцеремонно посветил фонариком ему в лицо и презрительно фыркнул:

— Это он!

Орехин узнал парня, вспомнил, что тот учится на третьем курсе на физрука в их колледже.

Со зловещим молчанием «каратели» окружили Орехина. Их было много, судя по силуэтам — парни и девушки, но в лицо всех и не различить.

— Что вы хотели, ребята? — спросил Егор по-учительски строго. Страха почти не было — так, слегка зашекотало под кожей.

И в следующее мгновение Орехин охнул от боли, зажал разбитый нос, выронив из рук пакет с покупками.

— Это за Ираклия, — процедил долговязый и, сделав обманчивую паузу, так что Орехин подумал, этим все ограничится, ударил ещё раз — крепко прижёл кулаком левую скулу Егора.

— За Ираклия! — призывно пискнул девичий голосок, и Орехин почувствовал слабый, но злой толчок в плечо.

— Ребята, хорош, успокойтесь! — потребовал он. Перед ним были его студенты, и как

с ними драться, он не знал, тем более с девочками.

Но успокоиться они уже не могли. Каждому хотелось лично отомстить за кумира. На Орехина со всех сторон посыпались удары, будто он угодил под камнепад. От пинка в пах его согнуло пополам. Удар чем-то тяжёлым по спине повалил на землю. Орехин слышал хруст от раздавленных очков, чувствовал, как твёрдые носы ботинок вонзаются ему в рёбра, больно молотят по рукам, обхватившим голову...

— Всё, хватит с него! — скомандовал долговязый. — А то загнётся ещё.

Удары прекратились. Егор подниматься не спешил. Слушал.

— А он хоть живой? — спросил испуганный девчоночий голос.

Кто-то бесцеремонно приподнял Орехина за плечо, посветил в лицо фонариком, успокоил остальных:

— Норм, живой.

— Надо сфоткать, Ираклию показать.

Над головой Орехина несколько раз чмокнула камера.

— А если он в ментовку пойдёт?

— Не пойдёт, его самого менты ищут.

— Всё, валим! — поторопил долговязый.

Какое-то время Егор ещё слышал голоса и удаляющиеся шаги. Потом всё стихло. Тишина сомкнулась над ним, как холодная вода в ночном озере. Превозмогая боль, он поднялся. Тело подчиняется ему — и то хорошо. Голова кружится. Фонари и окна в доме расплылись в глазах Егора бесформенными жёлтыми пятнами. Тем не менее в нескольких шагах от себя он заметил белое пятно — пакет с кормом, лотком и пельменями. Орехин подобрал его и поковылял домой.

Котенок в прихожей встретил его тревожным мяуканьем, словно спрашивал, где он был и что случилось.

Первым делом Егор отыскал старые очки в домашней аптечке. Надел их — к предметам вокруг вернулись более-менее чёткие очертания. Переоделся. В ванной рассмотрел лицо: нос и губы распухли, под левым глазом наливался синяк, на лбу алела ссадина.

«Как в таком виде идти на работу? Больничный не взять: врачи сообщат в полицию... Почему студенты из колледжа уверены, что это я напал на Ираклия? Если они так легко вычислили меня, то скоро заявится и полиция. Что светит за нанесение телесных повреждений? — тревожные мысли, как стая хищных птиц, налетели на Орехина со всех сторон. — А вдруг мне припаяют статью потяжелее или признают сумасшедшим?.. Что будет с Динькой, если меня посадят или отправят на принудительное лечение? Лана окончательно запудрит ему мозги и настроит против меня... Что делать? Бежать, скрываться? Куда? Тогда уж проще выйти в окно и всё...»

Мысли долбили его, как воронье клювами, оглушительно хлопали крыльями, кричали в уши. Чтобы уgomонить их, Орехин пошёл на кухню и налил рюмку коньяка. Потом ещё одну. Это помогло: стая, поселившаяся в его воображении, приутихла. Когда бутылка опустела наполовину, в голове прояснилось, как в небе после бури, и высветилось простое умиротворяющее решение: будь что будет. Просто будь что будет и всё.

Короткий требовательный звонок в дверь заставил вздрогнуть обоих: и Орехина, и котёнка, свернувшегося клубочком на коленях новообретённого хозяина.

«Уже?» — удивился Орехин.

Он поднялся из-за стола. Убрал недопитый коньяк обратно в холодильник. Сполоснул рюмку и поставил на место в красный шкафчик над мойкой. Зачем-то легонько коснулся лежащей на столе записки, словно на прощание прикоснулся к руке, написавшей её, и только после этого пошёл открывать.

За дверью стояла Соня.

«Ещё что-то случилось?» — на мгновение испугался Егор.

— Извините, я просто хотела убедиться, что вы в порядке... — сказала Соня, оправдывая свой визит; робким взглядом, словно боялась сделать больно, ощупала его распухшее лицо. — Я звонила, у вас телефон недоступен...

Орехин похлопал себя по карманам и, не обнаружив телефона, предположил:

— Аккумулятор сел, наверно.

— Ну... тогда я пойду... — Соня повернулась, собираясь спускаться по лестнице.

— Нет-нет, постой! — Орехин, шагнув на лестничную клетку, придержал девушку за локоть. — Надо поговорить! — и втолкнул Соню в прихожую и прикрыл дверь. — Объясни мне, — потребовал он, не дав девушке толком опомниться, — как ты обо всём узнала? Почему вы все решили, что это я напал на Ираклия?

— У нас группа есть общая... в соцсети... в мессенджере тоже... — призналась Соня, насторожившаяся от такого поворота событий. — Ну, группа учащихся... В общем, кто-то из ребят написал, что фоторобот на вас похож, и все согласились. Вспомнили вашу заметку в интернете и как вы говорили, что не надо движение Ираклия поддерживать. Договорились вас побить... А потом скинули фотку... когда уже всё... На фотке вы на земле лежали, и лицо в крови... — она запнулась и договорила с досадой: — Я же предупреждала вас, Егор Александрович!

На Орехина нахлынуло запоздалое чувство благодарности. Всё-таки какая она милая, отважная девочка! Приехала уже почти ночью в такую даль спасать глупого преподавателя, который не послушался её предупреждений.

— Ты прости, — Орехин потрепал рукав Софиной куртки, извиняясь сразу за всё: и за то, что пьян, и за тот стресс, который она из-за него сегодня пережила. — Просто день такой... А вообще, хорошо, что ты здесь. Проходи. Чай? Кофе? — он помедлил и скорее в шутку, чем всерьёз, добавил: — А может, коньяк?

— Коньяк, — неожиданно выбрала Соня.

Орехин усадил гостью в кухне, достал рюмку и плеснул чуть-чуть. После глотка спиртного Софины щёки порозовели. Уже смелее она рассматривала раны на лице преподавателя.

— От меня жена сегодня ушла, — поделился Егор своей главной болью и подвинул девушке записку: — Вот, читай... Говорит, мне надо к специалисту... Я не знаю, что делать, Соня. Но что-то делать нужно. Надо как-то открыть людям глаза.

— Вы уже попытались, — напомнила она.

– Нужно пытаться ещё. Искать способы... – Орехин вздохнул.

– Да бесполезно, Егор Александрович. Для них мы сумасшедшие. Кто станет слушать сумасшедших?

– Но как можно спокойно смотреть на всё это? – разгорячился Орехин. – Вот ты! У тебя впереди вся жизнь. Как ты будешь её жить в этом сюре? – он развёл руками, и под рёбрами заныло.

– Отучусь и уеду в деревню. Куда-нибудь подальше, – сказала Соня.

– Думаешь, до деревень эта дурь не доберётся?

– Там легче быть собой настоящей... Я не борец. Я не хочу тратить время и силы на то, что считаю безнадежным. Но я... я всё равно с вами. Не знаю, понимаете вы меня или нет.

Егор кивнул. Он хотел объяснить Соне, что тоже по натуре не борец, но у него так болит душа за родных, близких, соседей, вообще за всех людей и питомцев, которых хозяева выкинут в заказники и заменят пустыми сумками. Не успел: стук в дверь прогремел, как короткая пулемётная очередь.

– Откройте, полиция! – прокричали с лестничной клетки.

У Сони испуганно округлились глаза.

– Не открывайте, – шепнула.

– Всё равно меня арестуют, – обреченно ответил Орехин.

– Давайте скажем, что провели вчерашний вечер вместе! – отчаянно предложила студентка.

Егор отрицательно мотнул головой. Такого Лана ему точно не простит.

– Всё обойдётся, не слишком уж страшное преступление я совершил, – попытался он успокоить Соню, да и себя заодно. – Если хочешь мне помочь, возьми вот лучше котёнка на время, пока меня не будет.

– Угу, – вздохнула девушка.

Орехин пошёл открывать.

Егора Александровича Орехина доставили в отделение. В камере у него была целая ночь на раздумья. Час катился за часом. Как тяжёлый мельничный жернов по кругу, ворочались в голове одни и те же мысли. Орехин гадал, зна-

ет ли Лана, что он арестован, и если знает, то переживает за него или, наоборот, радуется. Улыбался на Сонино «давайте скажем, что провели вчерашний вечер вместе», а потом расстраивался: студентка, по сути, чужой человек дважды за вечер пыталась спасти его, а жена, с которой прожили шесть лет и вроде бы любили друг друга, убежала.

Вспоминал Егор и встречу с блогером-пауком, его звонкое трусливое «Помогите!». Стыдился своей агрессии. Тревожился – как там дальше складываться будет? С этими воображаемыми питомцами, пожалуй, можно сойти с ума: если не поведёшься на этого мерзкого паука, то превратишься в одинокого психопата-бунтаря...

Раз за разом Орехин прокручивал в памяти разговор с Соней. Лишь теперь он понимал, что она имела в виду, когда говорила, что бунтовать бессмысленно. Ведь правда, истериками, агрессией не заставишь людей очнуться. Насильно не спасти тех, кто не хочет спасаться. Остаться собой настоящим, сберечь настоящее в себе – вот что важно. Только с желанием Сони сбежать прочь Егор не был согласен. Надо непременно оставаться здесь, чтобы спокойно, с достоинством доносить до людей идею о ценности настоящего.

За ночь Орехин понял, что его прежняя жизнь потерпела крушение. Поначалу он ещё пытался грести вёслами, направляя свою шлюпку по курсу, который считал верным. Но теперь сил не осталось. Он бросил вёсла и лёг на дно. Куда вынесет, туда вынесет.

Егор просидел сутки, пошли вторые.

Приглашённый на процедуру опознания Иракий Наумов не узнал нападавшего в трех предъявленных ему мужчинах, хотя в их числе стоял и Орехин. Узнать его, конечно, было непросто, после драки со студентами лицо еще больше «преобразилось»: на левом глазу набух фиолетовый синяк, на лбу красовалась бордовая корка ссадины, на губах насохли болячки. И очки на нем были уже не те, прямоугольные, а полукруглые, в толстой чёрной оправе. Да и вообще, без капюшона Орехин не выглядел по-злодейски.

Наконец Егора отпустили за недоказанностью вины.

Избитый, в грязной куртке Орехин устало брёл по городу домой, пугая своим видом опрятных благопристойных прохожих. Они шаркались от него, отводили глаза, словно боялись встретиться взглядом с одичавшей собакой. Женщины опасливо прижимали к себе сумочки.

Каждая зелёно-бордовая переноска, зелёно-бордовый жилет вызывали у Орехина легкую волну гнева. Буквально вчера он намеревался остаться среди людей и со спокойным достоинством рассказывать им о важности настоящего, но в этот момент он уже не был уверен, что найдёт силы на это. Может, Соня и тут права? Уехать подальше в глухую деревеньку, посадить огород, завести корову, куриц?.. Нет, Лана никогда не согласится на такое. И Дениса не отдаст...

Квартира встретила Егора тоскливой тишиной, спёртым, как будто чужим, запахом. Он включил телевизор, чтобы наполнить дом звуками. Отыскал свой выключенный смартфон, поставил заряжаться. «Сейчас поеду к Лане! – решил вдруг. – Скажу, сам Иракий подтвердил, что не я напал на него».

«...И, как нам только что сообщили, – донеслось из телевизора, – задержанный по подозрению в нападении на лидера общественного движения «Свободу питомцам!» преподаватель колледжа Егор Орехин отпущен на свободу. Прибывший на процедуру опознания Иракий Наумов сказал, что Орехин не похож на нападавшего. К тому же одна из студенток колледжа, где работает Орехин, заявила журналистам, что в то время, когда произошло нападение, преподаватель находился с ней...»

Ну, Соня! Егор схватил смартфон с намерением сейчас же позвонить ей и отчитать за самодетельность. Сказал же, что не надо ничего сочинять! Как он теперь должен оправдываться перед женой?! Вот пусть едет к ней и сама как хочет, так и объясняет!

Егор включил смартфон, он загрузился, по-

сыпались сообщения о пропущенных звонках. Звонили директриса, приятель Серёга, Елена Николаевна. Больше всего пропущенных было от Сони. От Ланы – ни одного.

Разочарованный Орехин положил смартфон на стол. В расстройстве подумал: а какое, собственно, право он имеет отчитывать Сонию? Она скомпрометировала себя, только чтобы попытаться его спасти. А Лане... Лане всё равно.

Орехин подошёл к окну. Внизу, около пустой детской площадки, на скамейке сидел сосед-пенсиянер, рядом стояла сумка-переноска с расстёгнутой дверкой. «Выгуливает питомца», – передёрнуло Егора. Он поискал взглядом его реального питомца – лабрадора – и не нашёл. Поводка в руках у соседа не было. Егор вспомнил, как пёс здоровался с ним при каждой встрече, тычась мокрым прохладным носом в ладонь.

«Ну и скотина!» – вырвалось у него.

Орехин вдруг понял, что ему больше не жаль людей. За что их жалеть? Как они могут не понимать, что делают? Каждому дан мозг и способность думать. А они предпочитают слепнуть!

Неделя шла за неделей. Наступила зима.

С декабрьского неба, как из огромной солонки, густо, щедро сыпало снегом. Орехин в надетом поверх пуховика оранжево-синем жилете с эмблемой в виде двух мордочек – кошачьей и собачьей – сел в подкативший к остановке служебный микроавтобус. Подобрал ещё нескольких таких же оранжевожилетных пассажиров, он выехал за город и свернул на просёлочную дорогу без каких-либо указателей. Через полчаса микроавтобус остановился около металлических решетчатых ворот, влево и вправо от которых, сколько хватало взгляда, тянулась сетка-рабица. Невзрачная табличка на воротах сообщала, что пассажиры прибыли в Городок питомцев.

Из сколоченных наспех деревянных вольеров, неровными рядами расползшихся по территории, поднялся дружный собачий лай. Орехин вместе с другими работниками зашёл на территорию Городка, взял в сарае, который

именовался складом, пакет собачьего корма и открыл первый вольер. Навстречу выбежал бело-рыжий пёс, отряхиваясь от сенной трухи, ткнулся влажным носом в руку.

Егор потрепал его по холке:

– Потерпи, брат, это временно.

Пёс радостно помахал хвостом: потерплю, дескать, чего уж там.

Орехин верил в то, о чём говорил: на месте этих вольеров скоро вырастет целый городок. Настоящий маленький город для бывших любимцев, где они будут находиться под круглосуточным присмотром. Появятся отапливаемые павильоны, прогулочные зоны, ветеринарная служба.

Сколько пришлось обить для этого порогов – чиновничьих и предпринимательских – Орехин не считал. Он взывал к совести и самолюбию, давил на жалость, упрекал за жадность, обещал добрую славу благотворителя. Убеждал, что Городок покроет расходы на строительство, сможет сам себя содержать и даже приносить прибыль. Ведь когда в домах не останется настоящих животных, люди станут возить детей на экскурсии и с радостью раскошелятся на то, чтобы их чада могли погладить настоящую кошку, покормить попугайчика, поиграть с собакой, сводить её на

прогулку на поводке, сфотографироваться вместе с животным, в конце концов.

«Поддержите проект Егора Орехина! – зывали теперь газеты, листовки, телевидение, интернет. – Городок питомцев! Впереди морозы, и наши питомцы могут погибнуть в суровых зимних условиях, мы должны построить для них тёплые павильоны, организовать службу спасения...»

– Потерпи, брат, – повторял Орехин, заходя в вольер к каждому из своих подопечных.

Он говорил это не только собакам – и себе тоже. Когда Городок питомцев построят, он и сам поселится в нём. Будет ухаживать за животными, встречать посетителей, проводить экскурсии.

Он все силы положит, чтобы сохранить настоящее для того, кто однажды придёт за ним. Денис это будет или сын женщины в красном пальто, или Сонин ученик из далёкой деревни – кто бы то ни был.

□

Любовь Николаевна НОВГОРОДЦЕВА

родилась и живет в селе Евгацино (Омская обл.).

Окончила Омский библиотечный техникум.

Пишет стихи и прозу.

Публиковалась в журналах «Огни над Бией», «Сибирские огни» и др.

Автор книги рассказов «Жизнь и её винтики».

Участник Регионального совещания сибирских авторов (2016),

Семинара молодых литераторов в Омске (2016),

Всероссийского совещания молодых писателей

«Некрасовский семинар в Карабихе» (2018),

ежегодного всероссийского Совещания молодых литераторов

в Химках (2019).

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2022) в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

